

Концептуальный глоссарий Антонио Грамши: структура и актуальность

Анна Сергеевна Русинова

АНО «Киностудия им. Данилевского», «Центр итальянского языка и культуры
Данте», г. Мариуполь, ДНР, Россия
annarusinova.it@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4775-8356>

Аннотация. В статье проводится систематизация и расширенная интерпретация понятийного аппарата Антонио Грамши, разработанного им в ходе написания знаменитых «Тюремных тетрадей». Автор сосредоточивается как на центральных категориях грамшианской теории — таких как «гегемония», «гражданское общество», «органические и традиционные интеллектуалы», «исторический блок», «философия практики», — так и на ряде менее распространенных, но не менее значимых понятий. К числу последних относятся, в частности, такие термины, как «позиция партии», «молекулярные процессы», «цезаризм», «пассивная контргегемония» и др. Целью исследования является не только прояснение содержания данных концептов, но и их актуализация в свете современных социокультурных и политических трансформаций. Показано, что грамшианский понятийный аппарат может служить эффективным инструментом анализа власти, идеологических структур и культурных процессов в эпоху глобализации, постиндустриальных изменений и кризиса традиционных форм политического представительства.

Ключевые слова: Антонио Грамши, тюремные тетради, гегемония, интеллектуалы, философия прaxis, Современный Государь

Original article

Antonio Gramsci's Conceptual Glossary: Framework and Relevance

Anna S. Rusinova

Danilevsky Film Studio, Centre of Italian Language and Culture “Dante”, Mariupol,
DPR, Russia
annarusinova.it@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4775-8356>

Abstract. The article presents a systematisation and extended interpretation of Antonio Gramsci's conceptual apparatus, developed in his renowned “Prison Notebooks”. The author focuses not only on the central categories of Gramscian theory – such as “hegemony”, “civil society”, “organic and traditional intellectuals”, “historical bloc”, and the “philosophy of praxis” – but also on a number of less common yet equally significant concepts. These include, in particular, the “party's position”, “molecular processes”, “Caesarism”, and “passive counter-hegemony”. The goal of the study is not only to clarify the meaning of these concepts but also to actualise them in light of contemporary sociocultural and political transformations. It is demonstrated that Gramsci's conceptual framework can serve as an effective tool for analysing power, ideological structures, and cultural processes in the context of globalisation, post-industrial shifts, and the crisis of traditional forms of political representation.

Keywords: Antonio Gramsci, “Prison Notebooks”, hegemony, intellectuals, philosophy of praxis, “The Modern Prince”

Антонио Грамши (1891–1937) — один из наиболее влиятельных мыслителей XX в., оказавший глубокое влияние на развитие политической философии, культурологии и социологии. Его «Тюремные тетради», написан-

ные в условиях тюремного заключения, представляют собой уникальный философско-политический текст, где основные идеи формулировались с учетом строгой цензуры [1]. Для обхода ограничений Грамши разработал собственную систему понятий, которая представляет собой своего рода зашифрованный глоссарий. Этот понятийный аппарат, будучи частью марксистской традиции, выходит далеко за ее рамки, предлагая универсальные инструменты анализа власти, культуры и общества.

Представляется необходимым для начала раскрыть вопрос генезиса создания «Тюремных тетрадей». Относится он к завершающему этапу интеллектуальной деятельности А. Грамши, оборвавшегося в 1937 г. вследствие его преждевременной кончины, совпал с годами тюремного заключения (1929–1935). Даже в условиях тюремной камеры фашистскому режиму не удалось прекратить интенсивную мыслительную работу философа [2, с. 5]. Находясь в заключении, Грамши не только занимался переводами произведений Маркса, но и активно поддерживал переписку с семьей в России. Кульминацией его творчества стали знаменитые «Тюремные тетради» — 33 тетради, создававшиеся с февраля 1929 по лето 1935 г., после чего последние два года жизни мыслитель провел в медицинском учреждении, лишенный возможности полноценно работать [3, р. 15].

Получив разрешение на письменные занятия лишь в январе 1929 г., после трех лет следствия и заключения, Грамши сделал первую запись в тетради 8 февраля того же года. Из всего корпуса рукописей 4 тетради полностью посвящены переводам, которые также встречаются в 7-й и 9-й тетрадях, тогда как остальные представляют собой сборные и специальные тетради [4, р. 12].

Сам автор характеризовал свои записи как предварительные заметки, обусловленные незавершенностью некоторых концепций и их недостаточной разработанностью. Грамши рассматривал эти материалы как подготовительную работу для будущего фундаментального исследования, используя их как средство фиксации мыслей [5, с. 3]. Название произведений отражает не только место, но и форму их создания — ежедневные записи в тетрадях, выдававшихся тюремной администрацией, что предопределило фрагментарный характер текстов и сложности их последующей интерпретации.

Распространенным заблуждением является восприятие «Тюремных тетрадей» как простого собрания записей или «открытого произведения» в традиции XIX в. Внешняя фрагментарность текста объясняется исключительно экстремальными условиями творчества [6, р. 63–65]. При более глубоком анализе становится очевидной системная организация работы, представляющей собой последовательную программу исследования. Концепты Грамши образуют целостную «сетевую структуру», где извлечение отдельных фрагментов из контекста приводит к искажению авторского замысла [4, р. 2].

Многослойность текста, его «спиральное» построение, проявляющееся в тематическом развитии концепций, сочетается с фундаментальной диахроничностью — тетради создавались в течение многих лет без авторской редакции. Грамши рассчитывал на возможность последующей доработки, поэтому адекватное понимание текста требует учета как биографического контекста, так и исторических реалий эпохи.

Диахроническая природа текста породила множество научных интерпретаций в разных странах. Библиография исследований насчитывает свыше 20 000 работ, что побудило ЮНЕСКО признать Грамши наиболее известным итальянским эссеистом после Макиавелли [4, р. 3].

В советском пространстве открытие наследия Грамши состоялось лишь в конце 1950-х, несмотря на его активный диалог с Лениным, Богдановым, Гастевым, Троцким в рамках дискурса Коминтерна и семейные связи с советской действительностью [7, с. 1]. Первое знакомство отечественного читателя с трудами мыслителя произошло через редакцию П. Тольятти и Ф. Платоне (1948–1951), подвергшую текст значительной цензуре и тематической реорганизации. Хронологический порядок был заменен тематической группировкой с исключением «несущественных» фрагментов и переводов [8].

Современные исследователи считают работу с этим изданием методологически несостоятельной. Современные грамшистики, преимущественно итальянские ученые, обращаются к хронологической версии текста, впервые опубликованной Валентино Джерратаной в 1975 г. Это издание, включившее 29 тетрадей (без переводческих), представило текст в максимально аутентичной форме [4, р. 11–12]. Дальнейшее развитие текстологии связано с академическим изданием под редакцией Дж. Франчони, Дж. Коспито и Ф. Фрозини (2009), предусматривающим полную публикацию всего корпуса тетрадей.

Формирование российской школы изучения наследия Грамши требует кропотливой работы по переводу и научному комментированию текстов, что откроет перспективы для нового прочтения его концепций в русскоязычном научном пространстве.

Перейдем к понятийной ткани «Тюремных тетрадей».

Философия практики (*Filosofia della prassi*)

Понятие «философия практики» занимает одно из ключевых мест в философских построениях. Идея «практики» как совокупности индивидуальной и общественной деятельности лежит в основе философской системы Карла Маркса и его подхода к решению вопросов производства и науки. В «Экономико-философских рукописях» 1844 г., которые были недоступны для изучения Грамши, Маркс отмечает: «... как общество... производит человека как человека, так и оно производится им» [7, р. 324–325]. Эта мысль, утверждающая, что «производство» или «человеческая практика» включает не только труд, но и любую деятельность, объективируемую в социальных отношениях, институтах, потребностях, науке, искусстве и иных сферах, пронизывает все философское наследие Маркса и формирует его основополагающий принцип.

А. Лабриола развил данный аспект, подчеркивая, что исторический материализм «начинается с праксиса, т. е. с развития трудолюбия и, так как это теория трудящегося человека, то она рассматривает саму науку как работу» [8, с. 233]. По его словам, «каждый акт мысли — это усилие; т. е. новая работа», в то время как «выполненная работа, т. е. произведенная мысль, облегчает новые усилия, направленные на производство новой мысли» [8, с. 215]. Таким образом, термин «философия практики»,

используемый Грамши, выступает не риторическим приемом, а концепцией, выражающей неразрывное единство теории и практики. Размышляя над XI тезисом Маркса о необходимости преобразования мира, а не его интерпретации, Грамши отмечает, что данный тезис «не может быть истолкован как жест отказа от любого типа философии», а представляет собой «гегемоническое утверждение единства между теорией и практикой [...] Отсюда следует также то, что характер философии практики заключается в том, чтобы быть массовым понятием, культурой масс» [9, р. 1270–1271].

Необходимость единства теории и практики у Грамши обусловлена стремлением сформулировать ряд научных понятий, способных интерпретировать современную ему реальность (гегемония, исторический блок, новый здравый смысл, массовый конформизм в его связи с формами индивидуальной и коллективной свободы, пассивная революция и др.). В контексте философии практики целесообразно выделить три основных положения:

1. Ни философия практики, ни связанные с ней науки не дают детерминистических прогнозов. Единственно возможная форма предсказания заключается в практическом действии, предполагающем формирование и организацию коллективной воли. Из этого тезиса Грамши выводит критику Кроче, поскольку «религия свободы» последнего не ведет к созданию прогнозируемых результатов, избегая выработки плана трансформации и соответствующей политической воли. Аналогичная логика прогнозирования ставит под сомнение детерминистические подходы, характерные для II Интернационала, являвшиеся источником «пассивности».

2. Воля, о которой рассуждает Грамши, и, следовательно, практика, не существуют в чистом виде, но содержат материальные элементы, созданные самим человеком [1, р. 1487]. Все науки о человеке и даже науки о природе находят свое единство вне собственных границ — в сфере политики. Грамши резюмирует это в утверждении: «Философия практики — это абсолютный «историзм», абсолютная мирская и земная мысль, абсолютный гуманизм истории» [1, р. 1437].

3. Человек определяется как «ряд активных отношений (как процесс)», поскольку он «не вступает в отношения с природой просто потому, что он часть этой природы, но активно, с помощью труда и техники» [1, р. 1345]. Иными словами, каждый индивид «является не только синтезом существующих отношений, но и историей этих отношений, то есть обобщением всего прошлого» [1, р. 1346].

Таким образом, философия практики у Грамши представляет собой процесс формирования коллективной воли, соответствующей объективным потребностям и возникающим из противоречия между производительными силами и уровнем культуры и цивилизации, отраженным в социальных отношениях. Эти процессы, рассматриваемые в качестве философской категории, охватывают ряд наук о природе и человеке. По отдельности данные дисциплины могут казаться независимыми, однако, будучи рассмотренными в контексте возможного противоречия между творческой деятельностью и социальными коммуникативными связями, они становятся частью философии практики и способны оказывать влияние на политическую сферу, инициируя изменения, ведущие к формированию нового образа жизни на более высоком уровне цивилизации [10, р. 100].

Гегемония («Egemonia»)

Гегемония у Грамши — это не просто политическое господство, а способность правящего класса устанавливать моральное и культурное лидерство, добиваясь добровольного согласия подвластных. Она формируется не только в политической сфере, но и в повседневной культуре: в школе, семье, искусстве, религии и СМИ.

В грамшианской концепции категория гегемонии противопоставляется понятию «господства», упоминаемому в «Тюремных тетрадах». По мнению Грамши, лишь на раннем и примитивном этапе развития социально-экономическую формацию можно рассматривать исключительно как систему принуждения одной социальной группы по отношению к другой. В действительности же речь идет о сложной совокупности взаимосвязей, формирующих гегемонию, понимаемую как высшую способность к руководству и управлению.

Формирование концепции «гегемонии» опирается на два основных направления:

1. обсуждения в рамках III Интернационала относительно стратегии Октябрьской революции и построения Советского государства;
2. политико-философское наследие Н. Макиавелли, прежде всего его трактат «Государь».

Что касается первого направления, следует отметить, что часть исследователей противопоставляла идеи Грамши и Ленина, рассматривая их как противостояние концепции гегемонии и идеи диктатуры пролетариата, в то время как другие, напротив, обнаруживали их принципиальное сходство [11, p. 59].

Особое внимание Грамши уделяет тому, что заслуга Ленина заключается в осмыслении, в отличие от «вырождений и экономических и детерминистических упрощений», исключительной и решающей роли культурной и идейной борьбы, направленной на утверждение угнетенных классов и создание новой социально-экономической системы. Следовательно, гегемония в ленинской интерпретации, согласно прочтению Грамши, представляет собой не акт господства, а проявление способности объяснять исторические процессы и находить пути решения выдвигаемых ими задач [12, p. 305]. Ленин рассматривал российский пролетариат как класс «доминирующий и направляющий», причем если первое определение подразумевает диктатуру, то второе — руководство при поддержке союзных классов.

Формулируя собственное понимание «гегемонии», Грамши исходил из установок III Интернационала: пролетариат должен находиться в отношениях гегемонии с союзными классами, одновременно реализуя диктатуру по отношению к враждебным социальным группам. Однако в рамках самого III Интернационала данная идея ограничивалась исключительно сферой пролетариата [13, p. 78.].

Оригинальность грамшианской концепции заключается в ее применении и к буржуазии [14, p. 101]. Для Грамши становится возможным дифференцировать ситуации, в которых буржуазия удерживает власть над зависимыми классами, и те, где это господство отсутствует. При этом «гегемония» предполагает согласие подвластных классов на подчинение и наличие определенных уступок со стороны господствующей группы, что в

ряде случаев ведет к формированию социальной демократии, смягчающей противоречия капиталистической системы и адаптирующей ее к интересам низших классов. Так, прочная гегемония пролетариата и мелкой буржуазии в гражданском обществе позволяла буржуазии ограничивать собственное непосредственное вмешательство в управление. В качестве исторических иллюстраций Грамши приводит, например, политическую практику умеренных во Франции XIX в. и в Италии. Эти формы власти не могли быть реализованы исключительно силовыми методами, поскольку предполагали комплекс культурной и идеологической деятельности, осуществляемой прежде всего интеллектуалами и направленной на организацию согласия и проведение умеренной политической линии [14, р. 134].

Такое понимание «гегемонии» приводит к расширению самого понятия государства: оно начинает включать в себя не только институты власти, но и всю структуру гражданского общества. В этом ключе Грамши рассматривает такие институты, как школа, церковь, пресса, способствующие формированию моделей поведения, соответствующих определенной гегемонии. В качестве примера он указывает на роль итальянских масонских лож, обязательных для новых представителей власти в эпоху пост-Рисорджименто, что требует корректной интерпретации сущности государства и политики в итальянском контексте.

Именно подобное толкование идеи гегемонии позволяет Грамши дистанцироваться от механистических концепций исторического развития и авторитарного восприятия роли правящих классов. Потеря культурной, идейной и нравственной гегемонии означает утрату способности к руководству и переход к простой системе господства, обреченной на упадок и крах. Таким образом, концепция гегемонии, в интерпретации Грамши, радикально отделяет его от авторитарных представлений о «диктатуре пролетариата» и от устоявшихся в III Интернационале трактовок марксизма и ленинизма. Поскольку данное понятие неоднократно подвергалось искаженным толкованиям в политических спорах, Грамши подчеркивает, что его тезис не имеет отношения к идее партийной диктатуры, а, напротив, исключает ее.

Согласно грамшианской концепции, движение к гегемонии представляет собой «переход от базиса к совокупности надстроек», т. е. преодоление узкогрупповых интересов ради формирования общих институтов и единой идеологии. Последние выражают интересы как управляемых, так и правящих классов, при этом сохраняются уже существующие социальные устои.

Второе направление развития концепции «гегемонии», отмеченное выше, связано с трактатом Н. Макиавелли «Государь» и открывает новые возможности ее применения. Грамши анализирует проблему формирования нового государства, обозначенную Макиавелли, и ставит целью найти альтернативу фашистскому типу государственного устройства, разработав иную модель гражданского общества. Если Макиавелли предлагал образ монарха-Государя как воплощение верховной власти, то Грамши рассматривает «современного Государя» как собирательный образ — политическую партию. При этом он заимствует у Макиавелли метафору власти в виде кентавра — наполовину человека, наполовину животного, символизирующего гармонию согласия и принуждения [15, р. 120]. Когда преобладает аспект согласия, власть опирается преимущественно на гегемонию, в то

время как принуждение используется лишь в крайних случаях и скрытно. Объединение исходной концепции гегемонии с макиавеллиевской идеей власти позволяет Грамши расширить собственное понимание данной категории, выводя ее за пределы конкретных исторических классов и применяя, в том числе, к анализу международных отношений.

Современные примеры гегемонии можно найти в массовых медиа и цифровых платформах: доминирующие нарративы формируют предпочтения и ценности общества, создавая ситуацию, когда подчинение выглядит «естественным выбором». Таким образом, гегемония у Грамши — это процесс непрерывного формирования консенсуса и постоянной борьбы за культурное лидерство, актуальный для анализа как традиционных, так и цифровых обществ.

Современный Государь (*Principe modern*)

Переходя от понятия «гегемонии», следует рассмотреть следующую ключевую концепцию Грамши — представление о партии как «Современном Государе». В отличие от распространенного восприятия трактата Н. Макиавелли «Государь» исключительно как первого систематического выражения политической науки, Грамши акцентирует внимание на его историческом характере и революционном потенциале. Он отмечает, что Макиавелли был первым, кто отделил политику от религии и морали, стремясь определить универсальные закономерности деятельности выдающихся государственных деятелей. Вместе с тем Грамши подчеркивает, что трактат следует рассматривать не только как политическое сочинение, но и как исторический текст [1, р. 1569–1570].

Согласно Грамши, «Государь» является произведением «по своей сути революционного характера», сходным по значению с «философией практики» и адресованным новому классу, формирующемуся в недрах новых производственных отношений, с целью направить его усилия в исторически значимое русло. Эти усилия не могли бы увенчаться успехом без создания «современного Государя» — как в теоретическом плане (новая политическая доктрина), так и в практическом выражении (реальный исторический субъект). В качестве такого субъекта Грамши рассматривает политическую партию, которая предстает как новый коллективный деятель истории, уже институционально оформленный и играющий активную роль в современной реальности.

Теория «Современного Государя» должна включать исторический анализ нации и государства, изучение их оснований и причин прошлых неудач, а также условий, необходимых для формирования коллективной воли, понимаемой как «осознанное восприятие исторической необходимости, действующее как герой подлинной исторической драмы». Вторая часть этой концепции должна быть посвящена «вопросу интеллектуальной и нравственной реформы», в рамках которой именно партия должна стать главным действующим лицом исторического процесса [1, р. 1544].

Следовательно, партия, в представлении Грамши, получает особую миссию, имеющую одновременно политический и моральный характер. Ее развитие предполагает соотнесение каждого шага с идеалом «Современного Государя» [1, р. 1566]. Данное понимание формируется в специфиче-

ском историческом контексте: в условиях поражения рабочего движения и демократии, на фоне противостояния тоталитарным силам, выражающим беспощадную тиранию класса, маскируемую идеологическими формами. Новый «Современный Государь» — партия, ориентированная на социалистические преобразования, — не может вступать в эту борьбу, обладая меньшими убеждениями и решимостью.

При этом важно подчеркнуть, что для Грамши партия не является лишь бюрократическим аппаратом или инструментом власти; напротив, она воплощает «идеальную власть», ориентированную на осуществление «интеллектуальной и нравственной реформы», которая находит свое конкретное выражение в экономической перестройке общества. Партия, реализуя данную реформу, историзирует действительность и ценности, а также саму себя, формируя основу «современного секуляризма и полной секуляризации всей жизни, всех отношений и обычаев» [1, p. 1566].

В этой связи грамшианская концепция партии не сводится к механическому заимствованию или копированию практики, реализованной в СССР, и не тождественна роли партии в советской системе. Напротив, Грамши связывает современный атеизм и полную секуляризацию общественной жизни с деятельностью коммунистической партии, способной отстаивать собственные убеждения и программы, сохраняя при этом верность этическим принципам и уважительное отношение к аргументам других [16, p. 207].

Исторический блок (*Blocco storico*)

Исторический блок объединяет экономические структуры и культурно-идеологические элементы в единую систему. Он формируется в результате исторического компромисса между классами и выражает определенный этап развития общества. Концепт важен для анализа революций и реформ, когда экономические изменения сопровождаются культурной трансформацией.

Одним из фундаментальных элементов исторического мировоззрения Грамши является концепция «исторического блока» [17, p. 156]. Нередко это понятие, имеющее историко-аналитическую природу, отождествляют с категориями «социальный союз» или «социальный блок». Однако сам Грамши достаточно четко разграничивал данные категории, что проявилось в его деятельности на посту руководителя Коммунистической партии Италии, особенно в преддверии ареста. Так, в тезисах, представленных на Лионском конгрессе (январь 1926 г.), он подчеркивал необходимость считать основными союзниками пролетариата крестьян южных регионов Италии и островов. В работе «Южный вопрос» (ноябрь 1926 г.) Грамши отмечал, что условием мобилизации большинства трудящихся масс против капиталистической системы является «согласие широких крестьянских масс» [18, p. 87].

В конкретной итальянской ситуации важнейшую роль в формировании союзов играла интеллигенция. Последняя традиционно способствовала сохранению связей между крестьянами юга и крупными землевладельцами. Разрыв этих связей, по мнению Грамши, требовал формирования слоя «левой интеллигенции», понимаемой в современном значении как

ориентированной на революционный пролетариат [18, р. 78]. Именно здесь возникает концепция «исторического блока», затрагивающая центральный вопрос марксизма — соотношение базиса и надстройки, взаимосвязь теории и практики, материальных сил и идеологических конструкций. Грамши отвергал детерминистские и механистические подходы к пониманию этих отношений: структура не определяет односторонне мир идей, а сама связь базиса и надстройки не сводится к простой модели причины и следствия. Вместо этого он рассматривает их как сложный комплекс взаимосвязей и реакций, подлежащих изучению в конкретном историческом процессе.

Особую значимость в этом отношении имеет исследование, проведенное Грамши в «Тюремных тетрадах». Он критиковал абстрактное разделение между базисом (социальные производственные отношения) и надстройкой (идеи, нормы, моральное поведение, волевые акты). В конкретной исторической реальности, по его мнению, существует диалектическое совпадение этих элементов, однако сама категория базиса вне исторического процесса является методологической абстракцией: «базиса, понимаемого отдельно от истории, не существует». Поскольку его существование обнаруживается лишь в движении, оно не представляет собой устойчивой внеисторической реальности. Вследствие этого политика должна учитывать тенденции развития базиса, далеко не всегда реализующиеся автоматически. Здесь кроется возможность политических ошибок, исключаемых механистическим историческим материализмом, который исходит из жесткой детерминации каждого политического действия экономическим базисом. Речь, по сути, идет о необходимости осмысления движения и его противоречий.

Тот же принцип распространяется и на анализ взаимосвязей между теорией и практикой. Грамши отмечал, ссылаясь, вероятно, на советский опыт, что «углубление концепции единства теории и практики еще не началось: все еще сохраняются следы механицизма. Продолжают рассматривать теорию как «дополнение» практики, почти как аксессуар» [18, р. 104]. Таким образом, полемика Грамши направлена как против экономизма и прагматизма, свойственных марксизму II и III Интернационала, так и против любых идеалистических, спекулятивных концепций, игнорирующих практические и материальные аспекты. В противовес этим подходам он утверждает «необходимую взаимность» между базисом и надстройкой: «взаимность, которая является собственно диалектическим процессом» [18, р. 114].

Эта взаимосвязь имеет не только теоретическое, но и практическое значение: согласие, политическое и культурное руководство выступают необходимой формой конкретного исторического блока. Ни одна устойчивая историческая формация не может существовать без своего интеллектуального и нравственного выражения, без целостной системы идей и ценностей.

Примечательно, что сам термин «исторический блок» Грамши заимствует у Жоржа Сореля, хотя и придает ему иное значение [18, р. 25]. Он не разделяет сорелевской концепции «социального мифа», а исходит из понимания общества и государства как единого целого, причем революция предполагает формирование новой структуры внутри этого комплекса, замещающей первоначальную систему, потенциал которой к тому моменту

оказывается исчерпанным [19, p. 8]. Именно эту новую структуру Грамши и называет «историческим блоком».

В грамшианской концепции «исторический блок» представляет собой единство объективных и субъективных элементов, т. е. базиса и надстройки, находящихся во взаимном диалектическом взаимодействии [20, p. 366]. Сфера идей и сфера материальных условий, согласно Грамши, взаимно обусловлены: идеи должны рассматриваться в контексте материальных обстоятельств (средств производства и социальных отношений), а сама идеологическая надстройка совместно с политической организацией создает условия для функционирования производства и одновременно формируется им.

Особое место в формировании исторического блока отводится интеллигенции, которую Грамши рассматривает не как отдельный социальный класс, а как органический элемент социальной структуры. Ее функция заключается в создании, поддержании и развитии образов мышления, организационных форм и технологий, обеспечивающих единство класса и исторического блока в целом. В этой связи интеллигенция пролетариата, по мысли Грамши, должна формировать собственную культуру во взаимодействии с другими элементами нового блока. Каждый его участник является в определенной степени интеллектуалом, а сама партия выполняет функцию «коллективного интеллигента» [19, p. 89].

Органические и традиционные интеллектуалы (Intellettuali organici e tradizionali)

Органические и традиционные интеллектуалы (Intellettuali organici e tradizionali): Грамши разделяет интеллектуалов на две основные категории: традиционные и органические [21, p. 361].

Традиционные интеллектуалы — это те, кто воспринимает себя как независимую социальную группу, «надклассовую» по своей природе. К ним относятся, например, университетские профессора, писатели, духовенство, которые видят свою миссию в сохранении культурного наследия и морали общества. Однако Грамши отмечает, что эта «нейтральность» часто иллюзорна: традиционные интеллектуалы, сами того не осознавая, поддерживают существующий порядок [22, p. 83].

Органические интеллектуалы возникают в рамках определенного класса и выражают его интересы [22, p. 115]. Они не только создают идеи, но и организуют массы, формируют политическую волю и новые культурные коды. Органические интеллектуалы — это не только философы и ученые, но и инженеры, журналисты, медиаэксперты, блогеры и лидеры общественного мнения. Их деятельность связана не столько с сохранением традиций, сколько с формированием новых социальных связей и политических стратегий.

В современном мире различие между этими двумя типами интеллектуалов размывается, так как цифровая среда позволяет любому активному субъекту влиять на массовое сознание, занимая место «органического интеллектуала» вне формальных структур. Это делает категорию Грамши особенно актуальной для анализа социальных сетей, «новых медиа» и политической мобилизации в эпоху интернета.

Пассивная революция (*Rivoluzione passiva*)

Пассивная революция описывает модернизацию, проводимую сверху, без активного участия масс. Элиты проводят реформы, сохраняя политическую власть и предотвращая социальные потрясения. Такой процесс снижает риск конфликтов, но одновременно ограничивает возможности демократических преобразований.

В ее рамках Грамши предлагает типологию обществ, выделяя два принципиально различных типа. Первый тип представлен странами, подобными Англии и Франции, уже пережившими социальную революцию, результатом которой стали новый способ производства и новые социальные отношения. Второй тип составляют общества, где новый порядок был привнесен извне, но не получил внутреннего укоренения, а старый порядок уже оказался вытеснен. В подобных условиях новообразованная промышленная буржуазия не имела возможности реализовать собственную гегемонию, вследствие чего сохраняли господствующие позиции традиционные классы. Это и создавало предпосылки для так называемой «пассивной революции» — трансформации общества, осуществляемой без активного вовлечения народных масс [23, р. 34].

Одним из ключевых элементов понятия «пассивной революции» является категория «цезаризма», обозначающая ситуацию, при которой сильная личность вмешивается в социально-политическую конфигурацию, характерную для пассивной революции, выступая арбитром между силами, находящимися в относительном равновесии [24, р. 49]. Грамши различал прогрессивные и реакционные формы цезаризма: прогрессивная форма предполагает установление сильной власти, направленной на созидательное развитие нового государства (например, Наполеон III), тогда как реакционная форма закрепляет позиции прежних властных структур и, как следствие, способствует реализации сценария пассивной революции.

Италия конца XIX в. служит примером реакционного цезаризма. После объединения страны северная промышленная буржуазия не смогла установить полный контроль над полуостровом. Ее союзниками выступали южные феодалы и мелкая южная буржуазия, представленные политическими партиями и новой государственной бюрократией, выполнявшей функцию посредника между государством и населением. При этом сами широкие массы населения не участвовали активно в движении за объединение, что и определяет специфику итальянской «пассивной революции».

Наряду с цезаризмом важным компонентом пассивной революции является трансформизм, который, по мнению Грамши, ярко проявился в политике Дж. Джолитти. Премьер-министр стремился интегрировать в систему государственного управления представителей различных социальных слоев (в том числе пролетариата Севера и промышленников), проводя политику протекционизма. Целью трансформизма являлось включение лидеров подчиненных классов в правящий механизм для нейтрализации потенциально опасных идей и их адаптации к интересам доминирующих сил.

Таким образом, «пассивная революция» в известном смысле является понятием, соотносимым с категорией «гегемонии», но характеризует такие социально-политические образования, в которых гегемонистская структура общества отсутствует. Актуальность концептуального аппарата Грамши

подчеркивается тем, что понятие «пассивной революции» наряду с категорией «гегемонии» продолжает активно использоваться в современных исследованиях, в том числе при анализе международных отношений.

Заключение

Глоссарий Антонио Грамши — это не просто набор философских категорий, но цельная концептуальная система, объясняющая механизмы взаимодействия власти, культуры и общества. Он охватывает широкий спектр явлений: от формирования согласия (гегемония) и роли интеллектуалов (традиционных и органических) до долгосрочных социальных сдвигов (молекулярные процессы) и кризисных разрешений (цезаризм).

Главная ценность глоссария заключается в его методологической универсальности. Эти категории позволяют анализировать как исторические процессы (например, объединение Италии или развитие фордизма), так и современные явления: рост цифровых медиа, появление сетевых политических движений, новые формы «современных Принцев» в лице партий и интернет-платформ.

Кроме того, грамшианский подход помогает увидеть скрытые механизмы власти, которые не сводятся к прямому принуждению. Он раскрывает значение культуры, образования, медиа и «повседневных» практик как полей борьбы за мировоззрение. Это делает глоссарий особенно актуальным в эпоху глобальных информационных потоков и кризиса доверия к традиционным политическим институтам.

Сегодня категории Грамши используются в самых разных дисциплинах: политологии, культурологии, медиаисследованиях, социологии и даже экономике. Они помогают понять, как создаются и разрушаются социальные консенсусы, каким образом формируются новые политические субъекты, и почему культурная борьба становится не менее важной, чем экономическая или военная.

Глоссарий Антонио Грамши — это универсальный аналитический инструмент, который остается актуальным для понимания общества XXI в. и заслуживает дальнейшего исследования, адаптации и применения к новым вызовам времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. Torino: Einaudi, 2014. 3370 p. 3 v.
2. *Грамши А.* Тюремные тетради. Т. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 269 с.
3. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. 1 v. Torino: Einaudi, 2014. 1509 p.
4. *Liguori G.* Genesi e struttura dei Quaderni del carcere di Gramsci. Laboratorio permanente di studi gramsciani dell'Unical. Seminario dell'8 ottobre 2013. 13 p.
5. *Грамши А.* Дань истории. М.: Госполитиздат, 1960. 127 с.
6. *Vacca G.* Vita e pensieri di Antonio Gramsci. 1926–1937 // Collana Storia. Torino, Einaudi, 2012. 215 p.
7. *Коломиец В. К.* Теоретическая мысль Грамши и современность [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kolomiez_1997_3.pdf. (Дата обращения: 13.09.2025).

8. *Mordenti R.* Gramsci e la rivoluzione necessaria. Roma: Editori riuniti, 2007. 206 p.
9. *Marx K.* Opere. Roma: Editori Riuniti, 1976. 3 v. 659 p.
10. *Лабриула А.* Очерки материалистического понимания истории. М.: Госполитиздат, 1960. 200 с.
11. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Edizione critica dell'Istituto Gramsci. 2 v. Torino: Einaudi, 2014. 1509 p.
12. *Badalon, N.* Il marxismo di Gramsci: dal mito alla ricomposizione politica. Torino: G. Einaudi, 1975. 187 p.
13. *Fresu G.* Lenin lettore di Marx. Determinismo e dialettica nella storia del movimento operaio. Napoli: La Città del Sole, 2008. 252 p.
14. *Gobetti P.* Scritti politici. Torino: Einaudi, 1960. 1 v. 945 p.
15. *Figes O.* La Rivoluzione russa 189 – 1924. Milano: Tea, 2000. 425 p.
16. *Paggi L.* Antonio Gramsci e il moderno Principe. Roma: Editori Riuniti, 1970. 444 p.
17. *Tortorella A.* Presupposti etici e ideali di una sinistra rinnovata // Sotto traccia. Idee per ridare un senso alla politica. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2010. P. 261–277.
18. *Zangheri R.* La mancata rivoluzione agraria nel Risorgimento e i problemi economici dell'Unità // Studi gramsciani: atti del convegno tenuto a Roma nei giorni 11–13 gennaio 1958. 1958. № 1. P. 369–383.
19. *Gramsci A.* La questione meridionale. Gaeta: Ali Ribelli, 2019. 107 p.
20. Glossario gramsciano. 2014. URL: <http://www.iceta.org/gramsci7.pdf>. (дата обращения: 09.07.2025).
21. *Gramsci A.* Lettere dal carcere. Torino: Einaudi, 1968. 949 p.
22. *Vacca G.* Dal materialismo storico alla filosofia della praxis / International Gramsci Journal. vol.2 n.1. 2016. P. 358–377.
23. *Gramsci A.* Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura. Massa: Clandestine, 2019. 238 p.
24. *Di Meo A.* La “rivoluzione passiva” da Cuoco a Gramsci. Appunti per una interpretazione. 2014. 126 p. URL: <http://www.filosofiaitaliana.net>. (дата обращения: 18.07.2025).

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторе:

А. С. Русинова — свободный исследователь, генеральный директор.

Information about the Author:

A. S. Rusinova — freelance researcher, CEO.